

Увидев знакомого человека, Цинь Му почувствовал, словно встретил друга, ведь с самого детства всегда общался со слепым и одноногим... сколько себя помнил, он всегда изучал все виды знаний от девяти стариков из Цань Лао. Можно сказать, что в детстве у него не было товарищей, с которыми можно было бы просто развлечься, что делало сменяющие друг друга дни скучными и неинтересными. Несмотря на то, что он провёл только один боевой матч с юным монахом, они были одного возраста, поэтому он был рад снова увидеть его.

Мин Синь произнёс одно из многих имён Будды, чтобы подавить свои гневные мысли и улыбнулся:

— Тогда ты одолел меня, но сегодня не бывать этому. Потерпев от твоих рук поражение, я всегда размышлял об этом и исправил свои недостатки. Почему бы не устроить ещё одну битву?

— Ты изменил Сутру? — удивлённо спросил Цинь Му.

— Я был побеждён, потому что в прошлый раз ты ударил меня в горло, так что на этот раз я определённо не позволю тебе повторить тоже самое! — ответил довольный Мин Синь.

— Монах Мин Синь, сколько тебе лет, неужели ты думаешь, что по первому желанию можешь менять Махаяну Сутра Жулая? — закричал Цинь Му. — С учётом твоих текущих знаний, чем больше ты её изменишь, тем больше ошибок и изъянов наживёшь! Вместо того, чтобы небрежно менять её, не было бы мудрее спросить Жулая и позволить ему научить тебя... Хм, тем не менее, поскольку я тоже беспечно изменил свою технику, хотя, правильнее будет сказать, изменил до неузнаваемости, я не могу тебя порицать.

Он тоже изменил свою технику Трёх Эликсиров Тела Тирана, и изменил несколько раз. Великие Небесные Дьявольские Рукописи даже сливались с ним, решая недостаток его левого плеча.

— В таком случае, можешь ли ты дать мне несколько наставлений? — спросил Мин Синь.

Цинь Му собирался что-то сказать, когда старый монах добавил:

— Ученик, не будь наглым, это Владыка Небесного Дьявольского Культа Цинь!

— Когда ты стал Владыкой Небесного Дьявольского Культа?! — вскочив в шоке, закричал монах Мин Синь.

— Такое в двух словах и не объяснишь. Я не хотел этого, но у меня не было выбора, — вздохнув, юноша посмотрел в сторону старого монаха и узнал в нём Цзин Мина. Старик являлся учителем Мин Синя и отличался особой проницательностью, прямо как говорило его имя. Он указал, что Цинь Му был Владыкой Небесного Дьявольского Культа не для того, чтобы уведомить Мин Синя, а чтобы рассказать всем присутствующим монахам... С его громким возгласом, все монахи, которые изучали Портреты Ста Драконов, посмотрели в сторону Цинь Му и начали читать множество имён Будды. Было очевидно, что их просто распирало от желания подчинить дьявола.

— В таком случае, ты должен быстро уйти с должности Владыки Небесного Дьявольского Культа, иначе умрёшь! Есть много именитых монахов, которые ненавидят зло и привыкли убивать дьяволов. Каждый раз, когда они выходят, они покоряют несколько дьяволов, чтобы

накопить заслуги, и ты тоже будешь убит! Я не стану с тобой соревноваться, ты должен быстро бежать с горы, — немедленно посоветовал Мин Синь.

— Спасибо за добрые намерения, но теперь я гость. Старый Жулай — мой старший брат, и он сказал, что мне позволено сказать своё слово в монастыре. В таком случае, будут ли они пытаться убить меня? — покачивая головой, ответил юноша.

Мин Синь колебался на мгновение, а затем сказал:

— Этого я не могу сказать наверняка. Они, скорее всего, начнут дискутировать с тобой, советуя тебе начать новую жизнь, а когда поймут, что не смогут уговорить, они, как мне кажется, попросту забьют тебя до смерти.

Цинь Му потерял дар речи, ведь действительно увидел, как несколько монахов подошли к нему.

— Амитабха! — монах сложил ладони вместе. — Дьявол, хватит ли у тебя смелости поговорить со мной о жизни?

— Ты достиг совершенного равнодушия к мирским искушениям? — спросил юноша.

— Ещё нет, — был слегка потрясён монах.

— Тогда какой толк в болтовне? — Цинь Му разразился смехом. — Ты даже не достиг своего Дао. Такой недоделанный фальшивый монах, как ты, может только выставлять напоказ недоразумения из сплетен. Уйди.

Монах потерял дар речи, но другой монах, прямо рядом с ним, немедленно сказал:

— Дьявол, я буду говорить с тобой об истине, сострадании и красоте.

— Ты Жулай? — незамедлительно спросил парень.

Лицо монаха покраснело, и он ответил:

— Нет, я ещё не Жулай...

— Тогда ты не достиг даже слова “истина”. Жулай — истинное положение вещей, само постижение слова “истина”. Если ты не такой, как ты можешь говорить об истине, сострадании и красоте? Уходи, не позорься... Мы поговорим, когда ты достигнешь этой высоты. Дам тебе один совет, не бери на себя слишком многое. Если ты хочешь, чтобы люди поступали согласно твоим словам, тогда ты должен подавать соответствующий пример, — с улыбкой на лице добавил Цинь Му.

Преподобный потерял дар речи, как вдруг очередной монах протянул руку. Золотые источники излились из земли, поверх которых расцвёл лотос:

— В буддизме есть ануттара-самьяк-самбодхи, высшее совершенное пробуждение, наивысшая совершенная мудрость...

— Ты достиг наивысшей совершенной мудрости? — спросил юноша.

— Я лучше уйду, — ответил преподобный.

— Владыка культа — красноречивый и хороший оратор. Если ты не против, я расскажу о священных писаниях и светском мире, — в стороне рассмеялся другой монах.

Взволнованный Цинь Му подошёл к тому монаху и сказал:

— Великий монах, дай мне высказаться первым. Позволь спросить тебя, если бы все люди обратились в Буддизм, не размножались, не вступали в брак, не имели детей, разве человеческая раса не вымерла бы сто лет спустя? Чем тебе не угодил род людской? Почему ты хочешь уничтожить всю человеческую расу?

После недолгой паузы, монах ошеломлённо ответил:

— Я хочу поговорить с тобой о том, что Небесный Дьявольский Культ творит слишком много зла, а магия в нём зловещая и коварная. Она использует живых людей для совершенствования...

— Что это по сравнению с искоренением человеческой расы? — перебив его, сказал Цинь Му.

Монах смотрел на него широкими глазами, едва сдерживая гнев:

— Я хочу обсудить с тобой не это!

— В таком случае, давай поговорим об этом. Когда я встретил Мастера Чертогов Небесного Святого Культа, который поглощал младенцев, он был убит. Недавно я видел, как в одном из монастырей у подножия горы Сумеру возвращали странных зверей, смешивая анестетики с кровавым мясом. Откуда взялось мясо, забрали ли они жизни живых существ? Я уничтожал всех отбросов в своём культе, теперь твоя очередь. Иди и уничтожь монастырь со всеми монахами внутри.

— Это не то, о чём я хочу говорить с тобой! Я собираюсь поговорить с тобой об учениях! Наш Монастырь Великого Громового Удара насчитывает десятки тысяч буддийских писаний, каждое из которых передаётся из поколения в поколение, уча людей быть сострадательными! — в гневе проговорил монах.

— Если ваш собственный Буддизм скрывает грязь, чтобы скрыть коррупцию вместо того, чтобы очистить её, а монахи в монастырях не сострадательны, как вы можете учить людей быть сострадательными? Глупцы любят читать лекции другим, но они не способны на это. Ну что ж, раз ты сказал учения, я поговорю с тобой об учениях. Путь святого — не что иное, как тот, которым могут пользоваться простые люди. Может ли ваша дхарма использоваться обычными людьми каждый день? Если они не могут использовать его, какой смысл просто записывать его в книгу? Если он бесполезен, не лучше ли его просто сжечь? — смотря на монаха, спросил юноша.

— Ты дьявол! Абсурдные аргументы и вредные учения, сжигание священных писаний и искоренение Будды, ваша дьявольская природа действительно очень опасна. Я сражусь с тобой! — желая наброситься на него, злобно кричал монах.

— Подожди, подожди. Ты хочешь убить меня, но позволь спросить, разрешают ли буддийские писания лишать жизни живое существо? — подняв руку вверх, улыбнулся Цинь Му.

Монах остановился и подавил свой гнев:

— Буддийские писания советуют людям быть сострадательными, не лишать жизни живое

существо. Однако, против дьяволов, даже Будда будет разгневан и подчинит их!

— Трава, это жизнь? — спросил юноша.

— Естественно, — сердито ответил монах.

— Саженцы растут из травы, и многие из них превращаются в зёрна, а это значит, что зерна тоже живы, так почему же вы их едите? Вы ели вегетарианскую пищу и молились Будде, думая о сострадании, думая о красоте, думая об истине, но вы даже не знаете, сколько жизней было потеряно у вас во рту! Чем старше становишься, тем больше жизней ешь. Как ты можешь говорить о сердце Будды, говорить о сострадании? — пытался объяснить Цинь Му, вынув цветочное семя из мешка и держа то в руке. Когда он исполнил технику создания Земного Эона, мягкий побег пророс из цветочного саженца, а его корни вырвались из скорлупы. Духовная трава начала расти прямо в его руке. Растение было нежным, и вскоре на нём пророс бутон цветка. Слегка затрепыхавшись, зацвёл нежный и прекрасный цветок.

— Разве он не прекрасен? — спросил юноша.

— Красиво, — кивнул в знак согласия монах.

Цинь Му принёс цветок монаху и сказал:

— Вы едите зёрна этого цветка, его плоды. Такая прекрасная жизнь, но сколько таких ты съел? Думаешь ли ты расплачиваться по долгам? Будь у них дух и затем превратившись в демонов, горевали бы они о том, что ты съел миллионы из их расы? Ты когда-нибудь думал о проклятых душах бесчисленных цветов и трав, окружающих тебя в ожидании, что ты заплатишь своей жизнью?

Монах держал прекрасный цветок в обеих руках, а выражение его лица становилось всё более и более подавленным. Он чувствовал, как красота нежного цветка становится зловещей и ужасающей, требуя его жизни. Внезапно монах сел в позу лотоса, и по его лицу покатались слёзы.

— Я съел бесчисленное множество таких как ты, и мои тяжкие грехи трудно разрешить! Я готов превратиться в груды пепла, чтобы прокормить тебя! — когда он закончил говорить, огонь кармы загорелся вокруг его тела и в одно мгновение сжёг. Но даже при том, что огонь его полностью сжёг, это не повредило красивому цветку ни в малейшей степени. Он с лёгким касанием приземлился на пепел, всё ещё нежный и прекрасный.

— Пепел к пеплу, прах к праху. В самом конце совершенствование буддиста по-прежнему сводится к нулю, правда достаточно хорошо, чтобы использоваться в качестве удобрения, — Цинь Му наклонился собрать пепел, дабы посадить цветок. — Монах, ты был бесполезен всю свою жизнь, но ты, наконец, стал полезен после смерти. Цветок вырастет отличным и породит много саженцев, которые затем вырастут в ещё больше цветов. Ты будешь благодарен, если узнаешь об этом в преисподней. Хотя цветок не равен обычным людям, используя твой пепел как удобрение, я в действительности помогу тебе стать равным обычным людям. Отлично, мы с тобой на одном пути.

Парень встал и огляделся. Несмотря на свою молодость он неторопливо, как истинный Владыка, молвил:

— Какой ещё великий монах хочет поговорить со мной?

В окрестностях было тихо. Цинь Му посмотрел на серьёзных и мрачных монахов, но другая половина сразу же избегала его взгляда, не решаясь встретиться с ним.

Старый Ма и слепой стояли далеко, болтая со старыми монахами. Когда они увидели, что произошло, слепой улыбнулся:

— Если Му'эр останется в Монастыре Великого Громового Удара, а монахи немедленно не попытаются убить его... всего за несколько дней половина последователей Монастыря Великого Громового Удара вернётся к нормальной жизни, а другая, меньшая половина, будет также одержима дьяволом. Мне кажется, или он даже сильнее Сы?

— Он дьявол! Он небесный дьявол! Завораживающий всех своими демоническими словами! — внезапно раздался строгий крик монаха.

Другой монах крикнул сразу после этого:

— Он использовал демонические слова, чтобы убить старшего брата Синь Куна! Мы не можем позволить этому дьяволу жить, убить его, все, сюда!

В одно мгновение все впали в ярость, во все глотки перекрикивая друг друга о желании подчинить Цинь Му и убить дьявола. В этот момент юноша начал смеяться, его голос становился всё громче и громче. Переполох вокруг него постепенно исчез, но он всё равно продолжал смеяться.

— Вы, ребята, хотели обсудить кое-какие дела, поэтому я обсудил их с вами. Когда вы захотели воспользоваться учениями секты, я согласился поговорить об учениях. Когда вы не смогли одолеть меня, вы заговорили о том, чтобы лишить живое существо жизни. Меня устраивает, давайте тогда поговорим о лишении жизни живого существа. Вы не смогли добиться успеха даже в этом, вы на самом деле хотите убить меня? Зачем вам изучать Буддизм? Отступите, вернитесь к нормальной жизни, — закончив смеяться, равнодушно проговорил юноша.

Некоторые монахи были в растерянности, и их сердца опустели. Через мгновение некоторые действительно вздохнули и отвернулись, пойдя собирать свой багаж, чтобы покинуть гору. Остальные монахи не отступили, стоя с неприятными выражениями лиц.

— Значит, в конце концов, дело всё равно доходит до борьбы? Если всё именно так, зачем сначала выставлять напоказ свои неадекватные знания! Кто собирается умереть первым? — покачивая головой, улыбнулся Цинь Му.